

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662

Научная статья

О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 году

Л.Л. Басангов¹, А.А. Игнатов²

¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

²РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

Research article

Saudi Arabia's G20 Presidency in 2020

L.L. Basangov¹, A.A. Ignatov²

¹Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

«Группа двадцати» относится к неформальным институтам глобального управления и является одним из наиболее представительных международных форумов, объединяющим крупнейшие развитые и развивающиеся экономики мира. Повестка «двадцатки» актуальна и обширна и в настоящее время включает вопросы международного налогообложения, развития цифровой экономики, поддержания макроэкономической стабильности, развития рынков труда, борьбы с коррупцией и трансграничной преступностью, внедрения эффективных и экологически чистых энергетических технологий и др. Принимаемые «двадцаткой» решения, даже не являясь юридически обязательными, зачастую становятся основой признаваемых международных инициатив и стандартов. В силу отсутствия постоянного секретариата страна-председатель обладает значительным влиянием на формирование рабочей повестки «двадцатки».

Королевство Саудовская Аравия — единственное из арабских государств, обладающих полным членством в «Группе двадцати». В 2020 г. Саудовская Аравия впервые станет председателем института, получив исключительное влияние на формирование повестки для обсуждения. В этом контексте является актуальным вопрос о том, каким образом Саудовская Аравия на правах страны-председателя будет обеспечивать продвижение в повестку «Группы двадцати» собственных приоритетов национального развития и сохранение преемственности достижений предшествующих председательств, а также о характере воздействия данного процесса на дальнейшее развитие повестки «двадцатки».

Авторы статьи провели анализ текущего положения и целей развития КСА и текущей повестки «Группы двадцати» и выдвинули прогноз относительно вероятных результатов грядущего председательства. Авторы считают, что в ходе председательства Саудовской Аравии наиболее востребованными темами для обсуждения станут проблемы цифрового развития, повышения энергоэффективности и смягчения вероятных последствий изменения климата, осуществления макроэкономической политики. Ожидается, что умеренные успехи будут достигнуты при обсуждении вопросов гендерной политики. Такие приоритеты работы «двадцатки», как реформа международных финансовых институтов и борьба с протекционизмом в мировой торговле, с меньшей вероятностью будут отражены в виде конкретных решений.

Ключевые слова: «Группа двадцати», глобальное управление, Саудовская Аравия, председательство, прогноз

© Басангов Л.Л., Игнатов А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Мониторинг и оценка уровня исполнения обязательств, принятых лидерами на саммитах «Группы двадцати» и БРИКС 2018 года» (2019 г.).

Для цитирования: *Басангов Л.Л., Игнатов А.А. О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 654—662. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662*

Abstract. The G20 is an informal institute of global governance and one of the most prominent international forums for both — key developed and developing economies. The G20's agenda embraces various issues including international taxation, digital growth, macroeconomic stability, labor market development, fight against crime and corruption, implementation of effective and eco-neutral energy technologies, etc. The G20's decisions, even lacking legal force, tend to transform into international standards and joint initiatives. Due to the absence of a permanent secretariat, a host country exercises great influence on formulation of the G20's working agenda.

The Kingdom of Saudi Arabia is a key actor in the Middle East and the only Arab state with G20 membership. In 2020, Saudi Arabia will take the G20 presidency for the first time ever and thus take the leading role in shaping its agenda. In this context, several issues regarding Saudi Arabia's policy towards implementation of its national development agenda, promotion of previous presidencies' decisions and its influence over further development of the G20's agenda are of particular interest.

The authors analyze Saudi Arabia's current status and national priorities and recent developments of G20's agenda to forecast the results of the forthcoming presidency. The authors point out that discussion on digital growth, energy efficiency, climate change mitigation and macroeconomic policy would very likely result in concrete decisions. Modest success is expected in making decisions on gender-related agenda. The core items of G20's agenda such as reform of international financial institutions and fight against protectionism in global trade are less likely to attract much attention and lead to concrete decisions.

Key words: G20, global governance, Saudi Arabia, presidency, forecast

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the research work of the state task of the RANEPА “Monitoring and assessment of compliance with commitments adopted by the leaders at the G20 and BRICS summits in 2018” (2019).

For citation: Basangov, L.L. & Ignatov, A.A. (2019). Saudi Arabia's G20 Presidency in 2020. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 654—662. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662

Введение

«Группа двадцати» на сегодняшний день входит в число авторитетных институтов глобального управления. Высокий статус «двадцатки» обусловлен тем, что члены института — ведущие экономики мира¹. «Группа двадцати» создавалась в условиях необходимости поиска эффективных путей выхода из экономических кризисов конца 1990-х гг. — в этом контексте для принятия совместных решений в 1999 г. впервые встретились министры финансов стран-членов. Новым импульсом к развитию института стал кризис 2008 г., после которого был создан формат встреч на уровне глав государств. С этого момента повестка «двадцатки» начала расширяться и к на-

стоящему моменту включает не только вопросы финансового регулирования, но и защиту прав человека, развитие рынка труда и обеспечение занятости, новые вызовы безопасности в условиях развития цифровой экономики, имплементацию Целей устойчивого развития ООН до 2030 г. и др. Ежегодно для обсуждения указанной проблематики проводятся десятки встреч на уровне министров, высоких представителей по ключевым вопросам, а также членов экспертного и гражданского сообществ². Несмотря на высокий статус членов, «Группа двадцати» не принимает юридически обязательных решений, однако нередко инициативы «двадцатки» фактически становятся своего рода общепринятым стандартом, особенно в вопросах финансового регулирования [Ларионова, Игнатов, Шелепов, Сахаров, Попова 2019: 7].

¹ Членами «Группы двадцати» являются Австралия, Великобритания, США, Япония, Бразилия, Китай, ЮАР, Россия, Индия, Саудовская Аравия, Турция, Франция, Италия, Германия, Индонезия, Канада, Европейский Союз, Южная Корея, Мексика и Аргентина.

² Данные встречи проходят в формате «аутрич» — Молодежная, Женская, Деловая, Экспертная, Научная, Урбанистическая, Гражданская и Профсоюзная двадцатки.

Помимо неформального характера принимаемых решений еще одной характерной особенностью «двадцатки» является отсутствие постоянно действующих органов, в частности секретариата. В этой связи обязанности по организации встреч министров, экспертов и лидеров каждый год передаются новой стране-председателю, ротация которых определяется согласно введенным в 2003 г. страновым группам [Kharas, Lombardi 2012: 5].

С учетом данных обстоятельств именно страна-председатель становится ключевым актором, определяющим особенности повестки «двадцатки» на тот или иной период. Таким образом, повестка института формируется не только с учетом общемировых тенденций и логики ее развития в рамках самой «двадцатки», но и под сильным влиянием интересов и приоритетов принимающей страны. Тем не менее страна-председатель стремится, как правило, не только обеспечить представление собственных интересов, но и добиться высокого уровня согласованности с позициями стран-партнеров и сохранить преемственность ключевых достижений предыдущих председательств. Итоговые оценки степени успешности председательства учитывают все три указанных параметра [Ларионова 2012: 8].

Саудовская Аравия впервые будет председателем «Группы двадцати» в 2020 г., переняв эстафету от Японии. В этом контексте становятся актуальными вопросы о том, каким образом Саудовская Аравия на правах страны-председателя будет обеспечивать продвижение в повестку «Группы двадцати» собственных приоритетов национального развития и сохранение преемственности достижений предшествующих председательств, а также каков характер воздействия данного процесса на дальнейшее развитие повестки «двадцатки». Поиск ответов на указанные вопросы является целью подготовки и проведения представленного исследования.

Настоящая статья состоит из двух частей. Первый раздел работы посвящен результатам анализа авторами декларируемых Саудовской Аравией приоритетов развития. Второй раздел охватывает вопросы, связанные с обеспечением преемственности и баланса интересов стран — членов «Группы двадцати» в контексте реализации приоритетов страны-председателя.

О текущем положении и приоритетах развития Саудовской Аравии

Современный Ближний Восток характеризуется сложной и нестабильной политической обстановкой, что обусловлено наличием затяжных межнациональных конфликтов (арабо-израильское противостояние), очагов открытого военного противостояния с вовлечением нерегиональных игроков (сирийский конфликт), районов со сложной гуманитарной ситуацией (Йемен). Комплексный характер политического взаимодействия региональных и нерегиональных игроков на Ближнем Востоке [Ганиев, Карякин 2018: 16] обуславливает огромную значимость региональной повестки для всей системы международных отношений, что выражается в приоритизации ближневосточной проблематики ведущими державами мира и исключительном внимании к ней международных организаций [Ehteshami 2018: 77].

Королевство Саудовская Аравия на сегодняшний день является одним из главных игроков в рассматриваемом регионе как в политическом, так и в экономическом отношении. Королевство не только занимает ведущее положение в основных региональных и межрегиональных организациях — Организации исламского сотрудничества (ОИС), Совете сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), Лиге арабских государств (ЛАГ), но и является полноценным участником процесса принятия решений на площадке «Группы двадцати», что ставит это государство в один ряд с ведущими мировыми державами.

Текущие декларируемые приоритеты долгосрочного развития Саудовской Аравии продиктованы логикой противодействия угрозе внутреннего кризиса, вызванного экономическим спадом на фоне снижения цен на нефть и нефтепродукты в 2014—2015 гг., выявившего «болевы точки» хозяйственной системы Королевства. Среди них принято отмечать: чрезмерную зависимость (до 85%) экспортных поступлений от мировых цен на нефть, формирующих до 40% ВВП страны [Руденко 2018: 115]; коррумпированность государственного аппарата [Косач 2018: 85]; жесткое трудовое законодательство вкупе с недостаточной образованностью рабочей силы и налоговой нагрузкой [Науменко, Тимахов 2019: 152] и т.д.

Несмотря на существующие вызовы, роль Саудовской Аравии в качестве одного из ведущих региональных игроков не подвергается сомнению. В рейтинге международной конкурентоспособности Всемирного экономического форума Королевство занимает 3-е место среди стран региона (30-е в мире), несколько уступая по совокупным показателям Катару и Объединенным Арабским Эмиратам (ОАЭ) и опережая средний показатель арабских стран Ближнего Востока по всем рассматриваемым параметрам, в частности по уровню развитости институтов, инфраструктуры, емкости внутреннего рынка и технологической готовности³.

Кроме того, вооруженные силы (ВС) Саудовской Аравии рассматриваются в числе наиболее боеспособных в сравнении со странами региона [Науменко, Тимахов 2019: 150], что обуславливает значительное влияние Эр-Рияда на региональную повестку в сфере безопасности: например, Саудовская Аравия стала основным идеологом и исполнителем плана по силовому вмешательству во внутреннюю ситуацию в Йемене в 2015 г., которое оценивается как «неправомерное» с точки зрения международного права [Buys, Garwood-Gowers 2019: 2; Цветков 2018: 55].

Стремление устранить системные недостатки и укрепить сравнительные преимущества легло в основу главного программного документа по вопросам долгосрочного развития Саудовской Аравии — «Видения Королевства Саудовская Аравия—2030» (далее — «Видение—2030»), представленного в 2016 г.⁴ Программа была выдвинута на фоне текущих реформаторских процессов в саудовском обществе — например, «возвращения к умеренному исламу»⁵. Содержательно «Видение—2030» учитывает эту и другие тенденции, которые будут рассмотрены далее.

³ The Arab World Competitiveness Report 2018 // World Economic Forum, Geneva. 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/Arab-World-Competitiveness-Report-2018/AWCR%202018.0724_1342.pdf (accessed: 12.08.2019).

⁴ Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (accessed: 12.08.2019).

⁵ Тюкаева Т. Тяжелый год для Саудовской Аравии // Внешняя политика. 04.01.2018. URL: <http://foreignpolicy.ru/analyses/tyazhelyy-god-dlya-saudovskoy-aravii/> (дата обращения: 12.08.2019).

Несмотря на обширную повестку, «Видение—2030» ориентируется, прежде всего, на перестройку национальной экономики. Эта перестройка включает три основных направления: развитие *динамического общества* в качестве базиса для дальнейших реформ; создание стимулов для *процветания экономики*; наращивание *эффективности государственного сектора*. В практическом плане эти направления подразумевают такие меры, как перестройка механизма принятия и исполнения внешнеполитических решений, наращивание процесса импортозамещения в стратегических отраслях оборонной промышленности, удвоение добычи природного газа и развитие газоносной инфраструктуры, интенсификация развития отраслей обрабатывающей промышленности (промышленное оборудование) и туризма⁶.

Огромное внимание уделено вопросам повышения энергоэффективности и снижению экологического воздействия горнодобывающей промышленности⁷ и объектов энергетической инфраструктуры [Косач 2016: 116].

Наряду с развитием приоритетных отраслей промышленности программа реформ предполагает меры по улучшению инвестиционного климата Королевства. Для этой цели предусмотрены шаги по частичной приватизации крупнейших предприятий страны, прежде всего Saudi Aramco (SA). SA подвергнется структурной перестройке в интересах превращения компании в «глобальный промышленный конгломерат», который возьмет на себя роль локомотива индустриализации страны в целом. Приоритетом в данном контексте является увеличение доли нефтяных доходов в экономике страны⁸.

Реалистичный характер носят цели, поставленные в контексте стратегического развития социального сектора КСА. «Видение—2030» в данных вопросах обращается к трем направлениям — развитие малого и среднего предпринимательства, снижение безработицы, вовлечение женщин в трудовые отношения. Показатели, выдвинутые в этом контексте, представляются достижимыми в обозримой перспективе: так,

⁶ Saudi Arabia 2030 // Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (accessed: 12.08.2019).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid; см. также: [Дударев 2017: 41].

вклад малых и средних предприятий в ВВП страны планируется увеличить с 20 до 35%, женщины должны составить не менее 30% трудящихся (сейчас — около 22%), а безработицу планируется снизить с 11,6% до 7%, что по данному параметру значительно приблизит Саудовскую Аравию к средним показателям наиболее развитых стран мира⁹.

Принятие «Видения—2030» вносит соответствующие коррективы во внешнеполитическую повестку Саудовской Аравии. В общем смысле декларируемой целью внешней политики страны является создание условий, отвечающих цели реализации «Видения—2030», в частности, путем «установления долгосрочных партнерских отношений с соседними государствами»¹⁰. С этой точки зрения, следует рассмотреть приоритеты КСА в ключевых региональных и межрегиональных организациях для того, чтобы определить характер продвижения Саудовской Аравией национальных интересов во время председательства в «Группе двадцати».

Ведущая роль Саудовской Аравии в своем «домашнем» регионе во многом опирается на руководящую позицию Королевства в ключевых региональных организациях — Организации исламского сотрудничества (ОИС), Лиге арабских государств и Совете сотрудничества арабских стран Залива. Следует заметить, что Саудовская Аравия реализует на данных площадках цели, которые находятся в незначительной корреляции с повесткой «Группы двадцати»¹¹.

Саудовская Аравия, несмотря на попытку сформировать за рубежом положительный образ прогрессивной державы, использует свои финансовые и политические ресурсы для продвижения собственных геополитических интересов в духе «*realpolitik*». Так, КСА активно выделяет средства и квоты на обучение ученых-исламоведов из стран — членов Организации исламского сотрудничества, а также оказывает поддержку экономически уязвимым странам через каналы ОИС

⁹ Saudi Arabia 2030 // Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (accessed: 12.08.2019); см. также: [Дударев 2017: 42].

¹⁰ Ibid.

¹¹ За исключением отдельных вопросов, обсуждаемых на площадке ОИС.

[Akbarzadeh, Ahmed 2017: 303], которая ощутимо усилилась на фоне обострения региональных кризисов в Сирии и Йемене.

Вмешательство коалиции во главе с КСА в события в Йемене в 2015 г. потребовало привлечения значительных дипломатических ресурсов для нивелирования ожидаемо негативной реакции мирового сообщества. Так, КСА оказывает давление на менее влиятельных членов ОИС для сплочения против Ирана, который рассматривается Саудовской Аравией в качестве спонсора йеменских «повстанцев» (хуситов) [Akbarzadeh, Ahmed 2017: 299—300]. Схожая повестка доминировала на экстренных саммитах ЛАГ и ССАГЗ, которые прошли 30 мая 2019 г. в Мекке¹². Итогом встреч, которые были инициированы Саудовской Аравией из-за атаки на нефтяные танкеры в Персидском заливе, стало единогласное осуждение действий Ирана, который был обвинен в дестабилизации ситуации в регионе.

Более того, Саудовская Аравия активно использует Организацию исламского сотрудничества для продвижения «антииранской» повестки: на 13-м саммите ОИС в Стамбуле Саудовской Аравии удалось добиться осуждения действий Ирана на международной арене¹³. На саммите ОИС в Мекке, который прошел 30 мая 2019 г., не удалось достичь аналогичного успеха: основной темой для обсуждения было ближневосточное урегулирование, а иранская проблематика не нашла такого единодушного отклика среди остальных стран-членов¹⁴.

Особое внимание стоит уделить де-факто главе страны, наследному принцу Саудовской Аравии Мухаммеду бин Сальману. В апреле 2015 г. ему был присвоен титул кронпринца, что определило его возросшее влияние в принятии ключевых политических решений. Решительность его действий характерна как для внутренней, так

¹² В Саудовской Аравии пройдут экстренные саммиты ЛАГ и ССАГПЗ // ТАСС. 30.05.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6487150> (дата обращения: 12.08.2019).

¹³ Встреча на высшем уровне была созвана после нападения на саудовскую дипмиссию в Иране.

¹⁴ См.: Щегловин Ю.Б. К итогам саммитов ССАГПЗ, ЛАГ и ОИС в Мекке // Институт Ближнего Востока. 01.06.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=56490> (дата обращения: 12.08.2019).

и для внешней политики: с ним связывают жесткое давление на хуситов в Йемене и крупномасштабную антикоррупционную кампанию в 2017 г. Отдельно стоит упомянуть ситуацию вокруг убийства оппозиционного журналиста Джамали Хашогги в Генеральном консульстве Саудовской Аравии в Турции. В июне 2019 г. были опубликованы результаты расследования Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях: Агнес Калламар обвинила Саудовскую Аравию в причастности к убийству Дж. Хашогги, что создает риск репутационных потерь для Королевства¹⁵.

Несмотря на возможный ущерб, Саудовская Аравия вряд ли лишится статуса члена «Группы двадцати»: даже инвестиционный форум в Саудовской Аравии, неформально известный как «Давос в пустыне», не был отменен в 2018 г., несмотря на отказ со стороны топ-менеджеров ряда крупных компаний, министров и представителей международных организаций принимать участие в мероприятии¹⁶.

В рамках цели работы определенными интересами вызывают отдельные пункты повестки Организации исламского сотрудничества, в частности, вопросы экологической политики, изменения климата, здравоохранения и эффективной энергетики. Так, в итоговой декларации саммита ОИС в Мекке указывается, что проблематика ухудшения состояния окружающей среды, включая недостаток водных ресурсов, а также низкий уровень распространенности экологических знаний, актуальна для всех стран-членов и может иметь негативные последствия для здоровья и благополучия граждан¹⁷. В целом этот тезис перекликается с целями и задачами развития, заявляемыми в рамках «Видения—2030».

¹⁵ The Report of the Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions: Investigation into the Unlawful Death of Mr. Jamal Khashoggi // Human Rights Council. 19 June 2019. URL: https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session41/Documents/A_HRC_41_CRP.1.docx (accessed: 12.08.2019).

¹⁶ См.: Alkhalisi Z., Mullen J. Who's at Saudi Arabia's 'Davos in the Desert' and Who's Staying Away // CNN. October 23, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/23/business/saudi-davos-in-the-desert-speakers/index.html> (accessed: 12.08.2019).

¹⁷ Final Communique of the 14th Islamic Summit Conference // Islamic Summit Conference. URL: <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=4496&refID=1251> (accessed: 12.08.2019).

Таким образом, рассмотрев в первом разделе работы декларируемые приоритеты развития Саудовской Аравии и то, как они преобразуются в повестку ключевых региональных организаций, членом которых является КСА, можно сделать промежуточный вывод о наиболее востребованных приоритетах, которые страна может представить в качестве основных в ходе председательства в «Группе двадцати».

Не будет преувеличением сказать, что одной из центральных тем будущего председательства с большой вероятностью станет комплексная климатическая и энергетическая повестка. Поиск эффективного инструмента обеспечения баланса между экономическим ростом в условиях доминирования доходов от экспорта сырья, потребности в структурной перестройке экономики и адаптации к климатическим изменениям был заложен в основу «Видения—2030» и отчасти трансформировался в коллективную позицию стран — членов ОИС. Наряду с указанными вопросами большое значение придается отдельным аспектам социального развития — например, несмотря на традиционно консервативный подход руководства страны к вопросам гендерного равенства, данная повестка включена в список приоритетов «Видения—2030» и, вероятно, получит ограниченное продвижение в ходе председательства Саудовской Аравии в «двадцатке».

В то же время превалирование повестки безопасности в решениях, продвигаемых Саудовской Аравией на ключевых региональных площадках, говорит о вероятности того, что КСА на правах председателя предпримет попытку обеспечить конвертацию данных вопросов в коллективную позицию «двадцатки», тем самым оказывая давление на другие мусульманские страны, а именно Турцию и Индонезию, которые также входят в ОИС, с целью расширить себе пространство для дипломатических маневров.

Текущая повестка «Группы двадцати» и приоритеты Саудовской Аравии

Анализ особенностей развития повестки «Группы двадцати» позволяет сопоставить их с выявленными в предыдущем разделе приоритетами повестки Саудовской Аравии в качестве страны-председателя.

Повестка «Группы двадцати», изначально включавшая преимущественно вопросы финан-

сового регулирования и макроэкономической политики, в настоящий момент отличается достаточно широким тематическим охватом, что отражает динамику международной ситуации. Так, начиная с председательства КНР в 2016 г., в повестке прочно закрепились вопросы, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровой экономики [Ларионова, Колмар 2017: 57]; на саммите в Гамбурге в 2017 г. огромное внимание было уделено отдельным аспектам охраны окружающей среды (борьба с морским мусором), гендерному равенству и содействию развитию [Ларионова 2017: 816—817]; во время председательств Аргентины (2018 г.) и Японии (2019 г.) активно обсуждались вопросы, связанные с ростом протекционизма¹⁸ и реформой Всемирной торговой организации [Сафонкина 2018: 25—27].

Отдельные вопросы, предлагаемые к обсуждению на платформе «двадцатки», тем не менее, не встречают должного внимания со стороны членов группы. Например, вопросы безопасности и поддержания мира обсуждаются только на уровне профильных министров стран «двадцатки» и зачастую не упоминаются в декларациях лидеров¹⁹. К числу «проблемных» тем относится реформа ВТО — по итогам нескольких последних саммитов, страны «двадцатки» согласовали ряд коллективных обязательств²⁰ о продвижении реформы, однако многие страны (Саудовская Аравия в том числе) не предприняли достаточно усилий для их выполнения²¹.

¹⁸ Osaka Leaders' Declaration // Центр исследований международных институтов. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/FINAL_G20_Osaka_Leaders_Declaration.pdf (accessed: 12.08.2019).

¹⁹ Последняя актуальная на момент написания статьи встреча министров иностранных дел прошла в мае 2018 г. в Буэнос-Айресе; вопросы, связанные с региональными проблемами безопасности (ситуация в Венесуэле, на Корейском полуострове и т.п.), не получили на ней глубокого развития (см.: G20 Buenos Aires Foreign Ministers' Meeting // Ministry of Foreign Affairs of Japan. May 21, 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page4e_000841.html (accessed: 12.08.2019)).

²⁰ Подробнее об обязательствах «Группы двадцати», методологии их выявления и оценки уровня исполнения см.: [Kirton et al. 2016].

²¹ 2018 G20 Buenos Aires Summit Final Compliance Report // The G20 Research Group. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/compliance/2018buenosaires-final/2018-g20-compliance.pdf> (accessed: 12.08.2019).

В настоящий момент наиболее динамично развивающейся сферой взаимодействия стран «Группы двадцати» являются климат и энергетика. Япония, председательствовавшая в 2019 г., включила данное направление в список приоритетов, тем самым поддержав преемственность с решениями и инициативами германского председательства (2017 г.). Председательство Японии было отмечено рядом новаторских решений в данной области: в частности, страны «двадцатки» согласовали и приняли ряд важных документов, среди которых — План действий по адаптации и укреплению надежности инфраструктуры, План действий по внедрению инноваций в сфере энергетики и защиты окружающей среды и др.

О востребованности повестки и высокой степени готовности стран «Группы двадцати» к принятию и реализации коллективных решений говорит и то, что конкретные решения по вопросам энергетики и климата принимаются на высоком уровне даже с учетом отказа США — одного из основных эмитентов парниковых газов в мире — от выполнения условий Парижского соглашения по климату 2015 г., в пользу реализации которого «двадцатка» высказалась в Осаке [Ларионова 2019: 17—18].

Выдвигая прогноз относительно результатов предстоящего председательства Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 г., мы можем обоснованно предположить, что председательство окончится с умеренно-положительными результатами. Саудовская Аравия, вероятно, сумеет обеспечить баланс между основными компонентами «успешности» председательства, то есть добьется достаточно эффективного представления собственных национальных приоритетов с учетом позиций стран-партнеров и обеспечит преемственность с прошлыми председательствами.

С большой долей вероятности наиболее востребованными будут вопросы климатической повестки и развития эффективной энергетики. В пользу данного предположения говорит как факт приоритетности данных вопросов в рамках «Видения—2030», так и тренды развития повестки «Группы двадцати» в последние годы, особенно по итогам саммитов в Гамбурге и Осаке.

Еще одним востребованным направлением может стать блок вопросов макроэкономической политики, среди которых следует выделить про-

блематику содействия развитию малых и средних предприятий (МСП). Поддержка МСП, их включение в региональные и глобальные цепочки добавленной стоимости в интересах роста конкурентоспособности, создания рабочих мест и снижения неравенства отвечает как коллективной позиции «двадцатки», так и ключевым аспектам развития Саудовской Аравии согласно «Видению—2030».

Умеренных успехов можно ожидать в обсуждении вопросов гендерного равенства. Данная проблематика, вероятнее всего, будет рассматриваться в контексте обсуждения коллективных решений по вопросам занятости, что одновременно отражает и консервативный взгляд руководства Саудовской Аравии, и особенности повестки «двадцатки».

В 2020 г. на площадке «Группы двадцати» вряд ли будут достигнуты существенные успехи в деле продвижения программы реформ Всемир-

ной торговой организации. Саудовская Аравия как будущий председатель до сих пор не представила свое видение по этому вопросу; сохраняется достаточно низкий уровень исполнения решений по данной проблематике на площадке «Группы двадцати». Весьма проблемным представляется обсуждение и углубление повестки содействия свободе торговли и борьбы с протекционизмом на фоне продолжения «торговых войн».

Выдвижение Саудовской Аравией вопросов безопасности в списке приоритетных вопросов для обсуждения с большой вероятностью не будет иметь ожидаемого эффекта в виде согласованных коллективных решений. Определенные успехи по данному направлению могут быть достигнуты по смежной проблематике — в сфере цифровой безопасности и противодействия финансированию терроризма, что отвечает современным трендам на площадке «двадцатки».

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Ганиев Т.А., Карякин В.В.* Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации // *Архонт*. 2018. № 4 (7). С. 15—28.
- Дударев К.П.* Ветры перемен над Саудовской Аравией // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 11 (724). С. 39—44.
- Косач Г.Г.* «Видение—2030». Саудовские реформы // *Россия и мусульманский мир*. 2016. № 6 (300). С. 107—123.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия сегодня // *Свободная мысль*. 2018. № 2 (1668). С. 83—96.
- Ларионова М.В.* Итоги саммита «Большой двадцатки»: смягчение рисков // *Экономическое развитие России*. 2019. Т. 26. № 7. С. 7—12.
- Ларионова М.В.* Модель обеспечения баланса реальных и прогнозируемых внешних условий, и национальных приоритетов для формирования предложений к повестке дня «Двадцатки», «Восьмерки» и БРИКС // *Вестник международных организаций*. 2012. № 4 (39). С. 7—17.
- Ларионова М.В.* Председательство ФРГ в «двадцатке»: испытание Трампом // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 807—823. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823
- Ларионова М.В., Игнатов А.А., Шелепов А.В., Сахаров А.Г., Попова И.М.* Десять лет «Группе двадцати»: безусловные достижения, устойчивые вызовы, новые риски, будущие приоритеты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Ларионова М.В., Колмар О.И.* Ханчжоуский консенсус: наследие для Китая, «Группы двадцати» и мира // *Вестник международных организаций*. 2017. Т. 12. № 3. С. 53—72. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-53
- Науменко Т.В., Тимахов К.В.* Саудовская Аравия и ее конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 1 (64). С. 147—167. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167
- Руденко Л.Н.* Экономические проблемы Саудовской Аравии // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018. № 3. С. 114—128.
- Сафонкина Е.А.* Председательство Аргентины в «Группе двадцати» в 2018 г. // *Латинская Америка*. 2018. № 3. С. 20—36.
- Цветков Ю.А.* Международно-правовая оценка саудовской интервенции в Йемене // *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2018. № 3. С. 48—56.
- Akbarzadeh S., Ahmed Z.S.* Impacts of Saudi Hegemony on the Organization of Islamic Cooperation (OIC) // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 2017. Vol. 31. No. 3. P. 297—311.

- Buyts E., Garwood-Gowers A. The (Ir)Relevance of Human Suffering: Humanitarian Intervention and Saudi Arabia's Operation Decisive Storm in Yemen // *Journal of Conflict & Security Law*. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 1—33. DOI: 10.1093/jcsl/kry019
- Ehteshami A. Saudi Arabia as a Resurgent Regional Power // *The International Spectator*. 2018. Vol. 5. No. 4. P. 73—94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722
- Kharas H., Lombardi D. The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance. Brookings Institutions, 2012. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/g20-global-governance-kharas-lombardi.pdf> (accessed: 12.08.2019).
- Kirton J. et al. Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments. G7 and G20 Research Groups. May 2, 2016. URL: [https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20\(1\).pdf](https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20(1).pdf) (accessed: 12.08.2019).

References

- Akbarzadeh, S. & Ahmed, Z.S. (2017). Impacts of Saudi Hegemony on the Organization of Islamic Cooperation (OIC). *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31 (3), 297—311.
- Buyts, E. & Garwood-Gowers, A. (2019). The (Ir)Relevance of Human Suffering: Humanitarian Intervention and Saudi Arabia's Operation Decisive Storm in Yemen. *Journal of Conflict & Security Law*, 24 (1), 1—33. DOI: 10.1093/jcsl/kry019
- Dudarev, K.P. (2017). Winds of Change over Saudi Arabia. *Asia and Africa Today*, 11 (724), 39—44. (In Russian).
- Ehteshami, A. (2018). Saudi Arabia as a Resurgent Regional Power. *The International Spectator*, 53, 73—94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722
- Ganiev, T.A. & Karyakin, V.V. (2018). The Great Middle East: Geopolitical Regional Studies of Conflictogenic Center of World Civilization. *Arkhot*, 4 (7), 15—28. (In Russian).
- Kharas, H. & Lombardi, D. (2012). *The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance*. Brookings Institutions. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/g20-global-governance-kharas-lombardi.pdf> (accessed: 12.08.2019)
- Kirton, J. et al. (2016). Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments. G7 and G20 Research Groups. May 2. URL: [https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20\(1\).pdf](https://www.ranepa.ru/images/media/brics/analytics/compliance-coding-manual-2016%20(1).pdf) (accessed: 12.08.2019).
- Kosach, G.G. (2016). “Vision 2030”. Saudi Reforms. *Russia and the Muslim World*, 6 (300), 107—123. (In Russian).
- Kosach, G.G. (2018). Saudi Arabia Today. *Svobodnaya mysl'*, 2 (1668), 83—96. (In Russian).
- Larionova, M.V. (2017). Germany G20 Presidency. The Test by Trump. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 807—823. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823 (In Russian).
- Larionova, M.V. & Kolmar, O.I. (2017). The Hangzhou Consensus: Legacy for China, G20 and the World. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (3), 53—72. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-53 (In Russian).
- Larionova, M.V. (2012). Supply-Demand Model for Developing a Presidency Proposals for Reform Agenda and Priorities in Informal International Institutions (G20, G8, BRICS). *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 4 (39), 7—17. (In Russian).
- Larionova, M.V. (2019). Results of the G20 Summit: Mitigation of Risks. *Russian Economic Developments*, 26 (7), 7—12. (In Russian).
- Larionova, M.V., Ignatov, A.A., Shelepov, A.V., Sakharov, A.G. & Popova, I.M. (2019). *G20 at Ten: Conclusive Accomplishments, Persistent Challenges, New Risks, Future Priorities*. Moscow: Delo Publishing House. (In Russian).
- Naumenko, T.V. & Timahov, K.V. (2019). Saudi Arabia's Economic Competitiveness in the Middle East. *MGIMO Review of International Relations*, 1 (64), 147—167. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-147-167 (In Russian).
- Rudenko, L.N. (2018). Economic Problems of Saudi Arabia. *Russian Foreign Economic Journal*, 3, 114—128. (In Russian).
- Safonkina, E.A. (2018). Argentina's 2018 G-20 Presidency. The Agenda and Objectives. *Latinskaia Amerika*, 3, 20—36. (In Russian).
- Tsvetkov, Yu.A. (2018). International Legal Assessment of Saudi Intervention in Yemen. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii*, 3 (17), 48—56. (In Russian).

Сведения об авторе: Басангов Лари Лиджиевич — магистрант МГИМО МИД России (e-mail: laribasangov@gmail.com).

Игнатов Александр Александрович — младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

About the author: Basangov Lari Lidzhievich — Master Student, MGIMO University of the MFA of Russia (e-mail: laribasangov@gmail.com).

Ignatov Alexander Alexandrovich — Junior Researcher, Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).